

16. Edele A & Stanat P. The role of first-language listening comprehension in second-language reading comprehension. *Journal of Educational Psychology*. 2016; 108 (2): 163-171. Доступно по: <http://doi.org/10.1037/edu0000060>.

17. Hogan TP, Adlof SM, & Alonzo CN. On the importance of listening comprehension. *International Journal of Speech-Language Pathology*. 2014; 16 (3): 199-207. Доступно по: https://www.researchgate.net/publication/262381400_On_the_importance_of_listening_comprehension

18. Pushkina AV, Krivoshlykova LV, & Larina EV. Skype technologies in developing listening and speaking skills when teaching English to tour guides. *Perspektivy Nauki i Obrazovania. Perspectives of Science and Education*. 2021; 50 (2): 447-458. Доступно по: <http://doi.org/10.32744/pse.2021.2.31>.

19. Лопатин М.А. Использование информационно-коммуникационных технологий для развития навыков аудирования англоязычной речи. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2019; 12: 234-242. Доступно по: <http://doi.org/10.24411/2304-120X-2019-15035>.

20. Smirnova E, Karpenko A, & Proletarsky A. Social networks open data usage as a basis for student's competence assessment. *Proceedings from ICERI' 15: 8th International Conference of Education, Research and Innovation*. 2015: 2970-2977. Доступно по: <https://library.iated.org/view/SMIRNOVA2015SOC>

21. Efklides A. Gifted students and self-regulated learning: The MASRL model and its implications for SRL. *High Ability Studies*. 2019; 30 (1/2): 79-102. Доступно по: <http://doi.org/10.1080/13598139.2018.1556069>.

История статьи:

Получена: 15.04.2022

Принята: 11.05.2022

Опубликована онлайн: 25.06.2022

Article history:

Received: 15.04.2022

Accepted: 11.05.2022

Published online: 25.06.2022

Сведения об авторах:

Нуриева Наиля Сунгатовна, доцент, Московский государственный технический университет (МГТУ) им. Н. Э. Баумана, кафедра «Английский язык для приборостроительных специальностей», Москва, Российская Федерация; e-mail: nurieva-n@yandex.ru.

Николаева Наталья Николаевна, доцент, Московский государственный технический университет (МГТУ) им. Н.Э. Баумана, кафедра «Английский язык для приборостроительных специальностей», Москва, Российская Федерация; e-mail: nnn55n73@mail.ru.

Bionotes:

Nailya S. Nurieva, Associate Professor, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation; e-mail: nurieva-n@yandex.ru.

Natalja N. Nikolaeva, Associate Professor, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation; e-mail: nnn55n73@mail.ru.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

LEGAL LINGUISTICS STUDIES

Оригинальная статья

УДК 811

DOI: 10.29025/2079-6021-2022-2-230-242

Общественная экспертиза: конфликтогенный потенциал межпартийной парламентской коммуникации

И.А. Зюбина^{1*}, Т.Ю. Тамерьян²

¹Южный федеральный университет;

344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42,

¹ORCID ID: 0000-0002-1265-8366; Researcher ID: J-5205-2017;

Scopus Author ID: 57194704279;

²Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова;

362025, Российская Федерация, Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46,

²ORCID ID: 0000-0001-8109-1052; Researcher ID: E-4565-2014;

Scopus Author ID: 57110384400;

*e-mail: iazyubina@sfedu.ru

Резюме: В статье рассматриваются вопросы, касающиеся идентификации общественного мнения по поводу конфликтогенного потенциала межпартийной коммуникации в российском парламенте. Актуальность исследования определяется интересом современных ученых к проблемам политического дискурса; к вопросам конфликта и конфликтогена с позиции юридической лингвистики, прагмалингвистики и социалингвистики. Цель данной статьи – проведение общественного экспертного анализа по выявлению конфликтогенного характера текстовых фрагментов выступлений российских парламентариев. Материалом исследования явились тексты-монологи отчетных выступлений парламентариев, руководителей и представителей фракций политических партий (Единой России, Справедливой России – за правду, КПРФ и ЛДПР), из стенограммы заключительного в 2021 году заседания Государственной Думы. Результаты лингвистического анализа и проведенного опроса с участием представителей молодого поколения показали, что в своих выступлениях политики актуализируют конфликтогенное поведение, отражающее политические разногласия российских партий. По степени проявления конфликтогенного потенциала выделены следующие коммуникативные стратегии: оскорбление, запугивание, обвинение. Коммуникативная стратегия оскорбления реализуется посредством тактики обвинения, дискредитации и навешивания ярлыков. Тактики стратегии запугивания – это преувеличение последствий, формирование страха, предупреждение об угрозе и отсылка к прошлому. Стратегия обвинения актуализируется при помощи тактики призыва к справедливости, уличения в нечестности, упрека в недосказанности и возмущения сложившейся ситуацией. Институциональный парламентский дискурс,

* © Зюбина И.А., Тамерьян Т.Ю., 2022.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

являясь поджанром политического дискурса, реализуется в конфликтогенных коммуникативных стратегиях, лингвистический анализ которых приводит к выводу о том, что использование данных стратегий санкционировано самим институтом для достижения институциональных целей по восхвалению своих заслуг и критике деяний оппонентов. В перспективах данного исследования находится дальнейшее выявление маркеров конфликтогенного коммуникативного поведения, поскольку его актуализация является сложным механизмом и зависит от целого ряда социокультурных и прагматических контекстов, требующих дальнейшего изучения.

Ключевые слова: политический дискурс, межпартийная парламентская коммуникация, адресант, адресат, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика.

Для цитирования: Зюбина И.А., Тамерьян Т.Ю. Общественная экспертиза: конфликтогенный потенциал межпартийной парламентской коммуникации. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2022. №2. С. 230–242.

Original Paper

DOI: 10.29025/2079-6021-2022-2-230-242

Public Expertise: Conflictogenic Potential of Cross-Party Parliamentary Communication

Irina A. Zyubina^{1*}, Tatiana Yu. Tameryan²

¹Southern Federal University;

105/42 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, Russian Federation, 344006;

¹ORCID ID: 0000-0002-1265-8366; Researcher ID: J-5205-2017;

Scopus Author ID: 57194704279;

²North Ossetian State University n. a. K.L. Khetagurov;

44-46 Vatutin Str., Vladikavkaz, Russian Federation, 362025;

²ORCID ID: 0000-0001-8109-1052; Researcher ID: E-4565-2014;

Scopus Author ID: 57110384400;

*e-mail: iazyubina@sfnu.ru

Abstract: The article deals with the issues related to the identification of public opinion about the conflict potential of cross-party communication in the Russian parliament. The relevance of the study is determined by the interest of modern scientists in the problems of political discourse; the issues of conflict and conflictogen from the standpoint of Legal Linguistics, Pragmalinguistics and Sociolinguistics. The purpose of this article is to conduct a public expert analysis to identify the conflictogenic nature of the Russian parliamentarians' speech text fragments. The material of the study is the parliamentarians' reporting speeches in a form of a monologue from the transcript of the State Duma final meeting in 2021. These politicians are the leaders and representatives of the Russian political parties: Yedinaya Rossiya, Spravedlivaya Rossiya – za pravdu, KPRF, LDPR. The results of the linguistic analysis and the poll with the participation of the younger generation representatives showed that in their speeches, the politicians actualize conflict-generating dominant behavior, reflecting political differences of the Russian parties. According to the degree of the conflictogenic potential manifestation, the following communication strategies are distinguished: insult, intimidation, accusation. The communicative strategy of insult is implemented through the tactics of blaming, discrediting and labeling. The tactics of intimidation strategy are exaggeration of consequences, formation of fear, warning of a threat, and reference to the past. The accusation strategy is updated with the help of the tactics of calling for justice, accusing dishonesty, reproaching for understatement and indignation at the current situation. Institutional parliamentary discourse, being a subgenre of political discourse, is implemented in conflictogenic communication strategies, the linguistic analysis of which leads to the conclusion that the use of these strategies is sanctioned by the institution itself to achieve institutional goals of praising their own merits and criticizing the actions of their opponents. The prospects of this study include further identification of markers of conflictogenic communicative behavior,

since its actualization is a complex mechanism and depends on a number of sociocultural and pragmatic contexts that require further study.

Keywords: political discourse, inter-party parliamentary communication, addresser, addressee, communication strategy, communication tactics.

For citation: Zyubina I.A., Tameryan T.Yu. Public Expertise: Conflictogenic Potential of Cross-Party Parliamentary Communication. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2022, no 2, pp. 230–242. (In Russ.).

Введение

На современном этапе развития языкознания наблюдается тесная взаимосвязь гуманитарных наук с общественными процессами, что свидетельствует о междисциплинарном характере научной мысли. Примером такого взаимодействия является юридическая лингвистика, занимающаяся изучением различных вопросов на стыке языка и права. Возникновение этой науки объясняется тем фактом, что наравне со своей важнейшей функцией передачи информации язык способен успешно выполнять функцию воздействия на сознание человека. При этом результаты этого воздействия могут быть как положительными, так и негативными для адресата. Неправомерное использование деструктивного потенциала языка требует контроля со стороны общества. И одной из целей юридической лингвистики является установление границ между просоциальными и асоциальными видами коммуникативного взаимодействия, что способствует разработке эффективного инструментария по противодействию различного вида деструктивных коммуникативных практик.

Цель статьи

Цель данной статьи – проведение общественного экспертного анализа по выявлению конфликтного характера текстовых фрагментов выступлений российских парламентариев.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили двадцать пять текстовых фрагментов из стенограммы заседания Государственной Думы от 22 декабря 2021 года, обладающие конфликтным потенциалом (15% из общего количества текста). Для исследования языкового материала применяются общенаучные методы (сопоставление, статистический подсчет) и частые научные методы (описание языковых единиц, метод контекстного анализа, метод компонентного анализа, семантико-стилистический метод). Используется социолингвистический метод опроса по выявлению конфликтного характера текстовых фрагментов выступлений российских парламентариев. Для проведения экспертного анализа на потенциальный конфликт был привлечен 64 респондента в возрасте от 19 до 25 лет, среди которых 32 студента юридического факультета и 32 студента исторического факультета Южного федерального университета мужского и женского пола, которым необходимо было идентифицировать стратегии и тактики текстовых фрагментов, отобранных по степени проявления конфликтного потенциала: оскорбление, запугивание, обвинение.

Обзор литературы

Актуальность работы обусловлена интересом к политической коммуникации, находящейся в центре внимания ряда ученых-лингвистов [1-9]. Поскольку данное исследование посвящено выявлению конфликтного характера выступлений российских парламентариев, то следует отметить, что в рамках лингвистики проблемы конфликта изучают исследователи, занимающиеся вопросами двух относительно новых междисциплинарных направлений: юрислингвистикой и лингвоконфликтологией [10-16]. Целый ряд ученых посвятили свои изыскания вопросам проведения лингвистической экспертизы [17-20].

В общественной жизни выделяются разнообразные виды проявления конфликтности, например, социальный, политический, правовой, этнический, экономический, духовный. В нашем исследовании мы обратимся к политической конфликтности, поэтому выделим основные аспекты конфликтности в политической сфере, для этого следует отметить виды разногласий, вызывающих определенную напряженность между коммуникантами в данной сфере. Так, политические разногласия возникают между противоборствующими политическими силами, это могут быть партии или различные политические движения. В разногласиях между ветвями власти участвуют законодательная, исполнительная и судебная власти. Разногласия власти и предпринимателей называются властно-экономическими. Властные структуры и остальное общество могут быть вовлечены в социально-экономические разногласия [21].

Важно различать понятия *конфликтный* и *конфликтогенный*, которые не являются взаимозаменяемыми. Конфликтогенный потенциал реализуется в конфликтогенных текстах, которые могут стимулировать появление и дальнейшее развитие конфликта, а могут и не привести к конфликту. И поскольку это зависит от восприятия адресата, чтобы исследовать конфликтогенный текст, экспертом применяются определённые действия по изучению перлокутивного эффекта высказывания [22: 128].

Говоря об отличии понятий конфликтный и конфликтогенный, акцентируем наше внимание на их целевых установках. Цель конфликтного высказывания – конфликт, «признаками которого является умысел на оскорбление, прямая адресация, инвективная лексика (ненормативные и жаргонные слова) и публичность высказывания» [23: 100-103]. «Под конфликтным мы понимаем текст, который уже стал причиной конфликта и объектом исследования в рамках юрислингвистической экспертизы, а конфликтогенным признается такой текст, который потенциально может спровоцировать конфликт и явиться поводом для судебного разбирательства» [14: 192].

Результаты и дискуссия

Рассмотрим актуализацию конфликтогенного потенциала межпартийной коммуникации, проявляющуюся в политических разногласиях между политическими партиями в российском парламенте.

Стратегия публичного оскорбления:

(1) *Разрушение политической системы. Трёхдневки мало, дистанта мало, надомников мало, так теперь ещё и публичная власть — публичная власть, которая никого не хочет слушать, и даже убрали партийные списки на местах. Ну и будут упыри, жулики, бандиты и эти олигархи местные избираться. <...> Прокурору обращение от 336 человек вручил наш великолепный прокурор Синельников — почему он месяц молчит, когда душиит хозяйство саблинско-палихатовская шайка? Почему такое происходит в государстве?! (Г. А. Зюганов)¹.*

В приведенном фрагменте Г. А. Зюганов, констатирует факт разрушения политической системы, описывая, в чем проявляется это разрушение. Политик реализует открытое проявление агрессии по отношению к региональным политикам – представителям других партий – и публичной власти в целом. Коммуникативная стратегия оскорбления в данном случае реализуется посредством следующих тактик: обвинения, дискредитации и навешивания ярлыков.

Используются лексические средства, обладающие инвективным потенциалом. Рассмотрим семантику инвективных лексем:

Бандит – член банды, вооружённый грабитель; о том, кто повинен в каких-л. преступлениях; преступник².

Жулик – тот, кто жульничает; плут, проныра³; плутоватый человек, склонный к мошенническим проделкам⁴.

Шайка – о компании людей, объединённых общими интересами⁵; группа людей, объединившихся для разбоя, преступной деятельности; банда⁶.

Упырь – бранно. о ком-л., вызвавшем неудовольствие, раздражение, гнев⁷; мертвец, выходящий – по народным поверьям – ночью из могилы и сосущий кровь людей; вампир, вурдалак; неприятный, вызывающий раздражение человек; употребляется как порицающее или бранное слово⁸; вампир, труп

¹ Стенограмма заседаний 22 декабря 2021 г. <http://transcript.duma.gov.ru/node/5765/>

² Бандит. Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С.А. Кузнецова. <https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D0%B1%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D1%82>

³ Жулик. Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С.А. Кузнецова. <https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D0%B6%D1%83%D0%BB%D0%B8%D0%BA>

⁴ Жулик. Толковый словарь Ефремовой. <https://gufo.me/dict/efremova/%D0%B6%D1%83%D0%BB%D0%B8%D0%BA>

⁵ Шайка. Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С.А. Кузнецова. <https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D1%88%D0%B0%D0%B9%D0%BA%D0%B0>

⁶ Шайка. Малый академический словарь. <https://gufo.me/dict/mas/%D1%88%D0%B0%D0%B9%D0%BA%D0%B0>

⁷ Упырь. Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С.А. Кузнецова. <https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D1%83%D0%BF%D1%8B%D1%80%D1%8C>

⁸ Упырь. Толковый словарь Ефремовой. <https://gufo.me/dict/efremova/%D1%83%D0%BF%D1%8B%D1%80%D1%8C>

злого колдуна или ведьмы, который бродит ночью в образе волка или совы и убивает людей и животных⁹.

Как видно из приведенных выше дефиниций, использование лексем *бандит*, *жулик* и *шайка*, характеризующих отдельных людей или объединение нелегитимных элементов по степени тяжести их преступной деятельности, дискредитирует обсуждаемых представителей власти на основе их предполагаемых или доказанных в качестве неправомерных деяний, а слово *упырь* как общеславянский мифологический персонаж еще и реализует аллюзию на то, что региональные парламентарии-олигархи действуют, как *вампир*, сосущий кровь из своих регионов, чтобы обогатиться. Г. А. Зюганов использует метафору *душит хозяйство саблинско-палихатовская шайка* в качестве криминального термина, сравнивая действия политиков Дмитрия Саблина и Владимира Палихата с одним из методов убийства.

Сигнификат лексем *упырь*, *жулик*, *бандит*, *шайка* представлен информацией с отрицательной оценкой региональных политиков и публичной власти в целом. В коннотативном значении семы выявляется дополнительная негативно-эмоциональная оценка лица, ведущая к перлокутивному эффекту, связанному с эмоцией обиды такого лица на данные лексемы.

При этом инверсия «*олигархи местные*» и перечисление наряду с обозначенными выше лексемами, обладающими инвективным потенциалом, реализуют обвинение данных лиц в нарушении закона и морали.

Усилению обличительной силы служит такое стилистическое средство, как повтор: *Трёхдневки мало, дистанта мало, надомников мало; публичная власть — публичная власть, которая никого не хочет слушать*. Ту же цель преследует и постановка двух риторических вопросов по поводу бездействия генерального прокурора: *Прокурору обращение от 336 человек вручил наш великодушный прокурор Синельщиков — почему он месяц молчит, когда душит хозяйство саблинско-палихатовская шайка? Почему такое происходит в государстве?!*

Неологизм *саблинско-палихатовская (шайка)*, представленный как сложносоставное прилагательное, отсылает к прецедентному комплексу имен Дмитрия Саблина и Владимира Палихата, которые пытались захватить совхоз имени Ленина, лучшее хозяйство в пригороде столицы. Причем, ироническая структура высказывания, выраженная с помощью инклюзивного притяжательного местоимения *наш* и оценочного эпитета *великодушный*, передающая снисхождение в сочетании с имитацией доброжелательности, декодирует асоциальные отношения Г.А. Зюганова и прокурора Синельщикова, указывая на обратный смысл высказывания.

Представим результаты эксперимента по выявлению стратегической целевой направленности данного фрагмента выступления в Таблице 1 «Экспертная оценка студентами юридического факультета на потенциальный конфликтоген фрагмента 1» и Таблице 2 «Экспертная оценка студентами исторического факультета на потенциальный конфликтоген фрагмента 1».

Таблица 1. Экспертная оценка студентами юридического факультета на потенциальный конфликтоген фрагмента 1

/ Table 1. Potential conflictogen expert assessment of fragment 1 by the law students

Стратегия / Strategy	Тактика / Tactics
Обличение публичной власти 19 (59,3 %)	Открытое словесное оскорбление 12 (37,5 %)
Нанесение публичного оскорбления 5 (15,6 %)	Унизительная словесная форма 7 (21,9 %)
Оскорбление личности (12,5 %)	Публичное унизительное сравнение 6 (18,8 %)
Унижение чести и достоинства 2 (6,3 %)	Использование слов, характеризующих преступный мир 4 (12,5 %)
Нарушение установленных правил поведения и общения 2 (6,3 %)	Приравнивание олигархов к уголовным элементам 3 (9,4 %)

На основании ответов студентов юридического факультета были выделены следующие коммуникативные стратегии: *обличение публичной власти* 19 (59,3 %), *нанесение публичного оскорбления* 5 (15,6 %), *оскорбление личности* 4 (12,5 %), *унижение чести и достоинства* 2 (6,3 %), *нарушение уста-*

⁹ Упырь. Этимологический словарь Макса Фасмера. <https://gufo.me/dict/vasmer/%D1%83%D0%BF%D1%8B%D1%80%D1%8C>

новленных правил поведения и общения 2 (6,3 %) и соответствующие тактики: *открытое словесное оскорбление* 12 (37,5 %), *унизительная словесная форма* 7 (21,9 %), *публичное унизительное сравнение* 6 (18,8 %), *использование слов, характеризующих преступный мир* 4 (12,5 %), *приравнение олигархов к уголовным элементам* 3 (9,4 %). Все формулировки стратегий и тактик свидетельствуют о наличии конфликтогенного потенциала высказывания Г. А. Зюганова.

Таблица 2. Экспертная оценка студентами исторического факультета на потенциальный конфликтоген фрагмента 1

/ Table 2. Potential conflictogen expert assessment of fragment 1 by the history students

Стратегия / Strategy	Тактика / Tactics
Оскорбление власти / депутатов / прокурора 14 (43,8 %)	Использование оскорбительных слов 15 (46,8 %)
Обличение политической системы 8 (25 %)	Оскорбительные сравнения 7 (21,9 %)
Недопустимое поведение политика / Г. А. Зюганова 5 (15,6 %)	Необоснованное оскорбление всех депутатов 5 (15,6 %)
Провокация конфликта 3 (9,4 %)	Сравнение депутатов с уголовниками 3 (9,4 %)
Недозволенное сравнение 2 (6,2 %)	Приравнение к обвиняемым в махинациях бизнесменов и депутатов Дмитрия Саблина и Владимира Палихата 2 (6,3 %)

Аналогично определены коммуникативные стратегии и тактики по ответам студентов исторического факультета. Все они так или иначе связаны с оскорблением. Коммуникативные стратегии: *оскорбление власти / депутатов / прокурора* 14 (43,8 %), *обличение политической системы* 8 (25 %), *недопустимое поведение политика / Г. А. Зюганова* 5 (15,6 %), *провокация конфликта* 3 (9,4 %), *недозволенное сравнение* 2 (6,2 %). Коммуникативные тактики: *использование оскорбительных слов* 15 (46,8 %), *оскорбительные сравнения* 7 (21,9 %), *необоснованное оскорбление всех депутатов* 5 (15,6 %), *сравнение депутатов с уголовниками* 3 (9,4 %), *приравнение к обвиняемым в махинациях бизнесменов и депутатов Дмитрия Саблина и Владимира Палихата* 2 (6,3 %).

Полученный в результате опроса студентов юридического и исторического факультетов перечень коммуникативных стратегий и тактик связан с проявлением оскорбления в парламентской коммуникации. При этом юристы делают акцент на оценивании как правовой квалификации конфликтогенного потенциала данного фрагмента высказывания из речи лидера КППРФ (*нанесение публичного оскорбления, унижение чести и достоинства*) и на связи с уголовной тематикой (*использование слов, характеризующих преступный мир; приравнение олигархов к уголовным элементам*). А студенты-историки выделяют признак нарушения моральных принципов, вызванного оскорблением (*недопустимое поведение политика / Г. А. Зюганова, недозванное сравнение, необоснованное оскорбление всех депутатов*) и показывают осведомленность в историко-правовом контексте (*приравнение к обвиняемым в махинациях бизнесменов и депутатов Дмитрия Саблина и Владимира Палихата*).

Конфликтогенный потенциал речи политика реализуется также в коммуникативной стратегии **запугивания**. Фрагмент 2 для опроса:

(2) *Просто многие не хотят понять, что мы перешли к многопартийной системе, одна партия может продолжать навязывать свою волю, но это не приведёт к большим результатам. Когда одна партия наверху, а соперников нет, они слабые и маленькие, останавливается развитие этой партии, и останавливается развитие малых партий, ибо у них нет перспективы получить даже 100 мандатов, и будет тупик. В этом тупике мы с вами были* (В. В. Жириновский)¹⁰.

Стратегия запугивания актуализируется лидером ЛДПР посредством следующих тактик: формирования страха, предупреждения об угрозе, отсылки к прошлому и преувеличении последствий.

Данные тактики находят языковое воплощение в повторе лексем *одна партия (этой партии)* и противопоставлении их словосочетанию *малых партий* и *(они) слабые и маленькие*. Повтор грамматической основы *останавливается развитие этой партии, и останавливается развитие малых партий* нацелен на усиление запугивания и формирование страха у коллективного адресата.

¹⁰ Стенограмма заседаний 22 декабря 2021 г. <http://transcript.duma.gov.ru/node/5765/>

Используя отсылку к прошлому (*В этом тупике мы с вами были*), В. В. Жириновский нагнетает страх у представителей как правящей партии, так и остальных партий, упоминая негативный опыт в прошлом и говоря о возможной угрозе в будущем (*будет тупик*). Такой накал страстей может привести к ослаблению контроля над эмоциональной сферой, что, возможно, будет способствовать возникновению конфликтной ситуации.

Приведем данные эксперимента по выявлению стратегической целевой направленности данного фрагмента выступления в Таблице 3 «Экспертная оценка студентами юридического факультета на потенциальный конфликтный фрагмент 2» и Таблице 4 «Экспертная оценка студентами исторического факультета на потенциальный конфликтный фрагмент 2».

Таблица 3. Экспертная оценка студентами юридического факультета на потенциальный конфликтный фрагмент 2

/ Table 3. Potential conflictogen expert assessment of fragment 2 by the law students

Стратегия / Strategy	Тактика / Tactics
Запугивание 20 (62,5 %)	Преувеличение фактов 12 (37,5 %)
Сравнение партий 7 (21,8 %)	Намек на неравные условия 8 (25 %)
Угроза будущему страны 2 (6,3 %)	Сравнение положения партий 7 (21,8 %)
Обвинение партии Единая Россия 2 (6,3 %)	Использование слов-повторов 3 (9,4 %)
Нарушение политических правил 1 (3,1 %)	Чрезмерно уверенное речевое поведение 2 (6,3 %)

Ответы студентов-юристов позволили выделить следующие коммуникативные стратегии: *запугивание* 20 (62,5 %), *сравнение партий* 7 (21,8 %), *угроза будущему страны* 2 (6,3 %), *обвинение партии Единая Россия* 2 (6,3 %), *нарушение политических правил* 1 (3,1 %) и тактики: *преувеличение фактов* 12 (37,5 %), *намек на неравные условия* 8 (25 %), *сравнение положения партий* 7 (21,8 %), *использование слов-повторов* 3 (9,4 %), *чрезмерно уверенное речевое поведение* 2 (6,3 %).

Таблица 4. Экспертная оценка студентами исторического факультета на потенциальный конфликтный фрагмент 2

/ Table 4. Potential conflictogen expert assessment of fragment 2 by the history students

Стратегия / Strategy	Тактика / Tactics
Угроза партиям / будущему страны / политической системе 13 (40,6 %)	Преувеличение 8 (25 %)
Запугивание политиков / парламентариев / депутатов / представителей партий 12 (40,6 %)	Пугающие сравнения 7 (21,9 %)
Показ превалярования партии Единая Россия 3 (9,4 %)	Навешивание вины на партию Единая Россия 7 (21,9 %)
Провокация конфликта между разными партиями 2 (6,2 %)	Описание в черных красках 6 (18,7 %)
Необоснованное сравнение 2 (6,2 %)	Навязывание своей точки зрения 4 (12,5 %)

Аналогичные ответы по коммуникативным стратегиям и тактикам идентифицированы у студентов исторического факультета. Коммуникативные стратегии: *угроза партиям / будущему страны / политической системе* 13 (40,6 %), *запугивание политиков / парламентариев / депутатов / представителей партий* 12 (40,6 %), *показ превалярования партии Единая Россия* 3 (9,4 %), *провокация конфликта между разными партиями* 2 (6,2 %), *необоснованное сравнение* 2 (6,2 %). Коммуникативные тактики: *преувеличение* 8 (25 %), *пугающие сравнения* 7 (21,9 %), *навешивание вины на партию Единая Россия* 7 (21,9 %), *описание в черных красках* 6 (18,7 %), *навязывание своей точки зрения* 4 (12,5 %).

Выделенные студентами коммуникативные стратегии и тактики так или иначе свидетельствуют о наличии конфликтного потенциала в данном высказывании лидера ЛДПР. В стратегическом плане формирование политиком страха у адресата выделено представителями юридического факультета в 68,8 % случаев (*запугивание* – 62,5 % и *угроза будущему страны* – 6,3 %) и в 81,2 % случаев у историков (*угроза партиям / будущему страны / политической системе* и *запугивание политиков / парламентариев / депутатов / представителей партий* – по 40,6 %).

Следующий фрагмент проявления конфликтогенного потенциала в политическом дискурсе представляет собой коммуникативную стратегию **обвинения**:

(3) *Слышу: вчера Госдума наконец приняла закон о лихачах с подачи «ЕДИНОЙ РОССИИ». А ЛДПР что, спала, что ли? Мы десять лет об этом говорили, каждый год! Нет, упоминания ЛДПР нет в информации: «ЕДИНАЯ РОССИЯ» дала этот закон. Мы каждый год трясли власть, но нам отказали, а своей партии разрешили — принимайте... Зачем так делать? Ну мы же соавторы, наши же фамилии стоят там. Нилов, твоя фамилия стоит там? Там есть несколько человек — нет, только «ЕДИНАЯ РОССИЯ». А остальные, разве там нет их фамилий? Поэтому, когда мы стараемся кого-то вытащить, сказать, что что-то сделано только от имени одной партии — только она подарки раздаёт, только она на Донбасс ездит, только они чемпионы по бильярду, оказывается, а чемпион у нас во фракции сидит, — кого вы обманываете? Он побьёт любого чемпиона, в мировом масштабе, ваш Харитонов вообще к столу не подойдёт, когда увидит Диденко с бильярдным кием, — нет, вот похлопайте: Харитонов выиграл. У кого выиграл? Покажите, кому он проиграл! В одной же Госдуме сидим, мы каждый раз в открытую проводим соревнования, а где ваши подпольные соревнования? Объясните, и наши люди придут. Как вчерашняя выставка: мы не знали, что открыта выставка «Дети Донбасса» — кто её открывал? Кто извещал? Нас никто ни о чём не известил. Что это за подпольные дела?» (В. В. Жириновский)¹¹.*

Коммуникативная стратегия обвинения актуализируется посредством следующих тактик: уличения в нечестности, призыва к справедливости, упрека в недосказанности, возмущения сложившейся ситуацией.

В. В. Жириновский с помощью противопоставлений актуализирует обвинение в поддержании некорректных межпартийных отношений, обращенное к правящей партии: А ЛДПР что, спала, что ли? — Мы каждый год трясли власть; но нам отказали, а своей партии разрешили, и обращенное к партии ЛДПР: мы каждый раз в открытую проводим соревнования, а где ваши подпольные соревнования? Противопоставление ЛДПР и власти в целом в лице правящей партии происходит с помощью использования местоимения *мы*, являющегося в данном случае эксклюзивным: Мы каждый год трясли власть, но нам отказали, а своей партии разрешили.

Автор выступления призывает к справедливости и равноправию, используя частицу *же* в значении «именно» / «ведь», подчеркивая инклюзивные местоимения *мы* и *наши*: Ну мы же соавторы, наши же фамилии стоят там, и акцентируя внимание адресатов на прилагательном (в) *одной* в значении «той же»: В одной же Госдуме сидим.

С лингвистической точки зрения усиление коммуникативной стратегии обвинения реализуется с помощью постановки нескольких риторических вопросов: А ЛДПР что, спала, что ли? Зачем так делать? А остальные, разве там нет их фамилий? кто её открывал? Кто извещал? Что это за подпольные дела? Добавляет патетики обвинению и восклицательное предложение: Мы десять лет об этом говорили, каждый год!

Усилению обвинения служит и повтор названий партий и лексемы *нет*: Слышу: вчера Госдума, наконец, приняла закон о лихачах с подачи «ЕДИНОЙ РОССИИ». А ЛДПР что, спала, что ли? Мы десять лет об этом говорили, каждый год! Нет, упоминания ЛДПР нет в информации: «ЕДИНАЯ РОССИЯ» дала этот закон. Противопоставление ЛДПР и власти в целом в лице правящей партии происходит с помощью использования местоимения *мы*, являющегося в данном случае эксклюзивным: Мы каждый год трясли власть, но нам отказали, а своей партии разрешили.

В. В. Жириновский в данном высказывании актуализирует коммуникативную стратегию обвинения лидирующей партии в ущемлении и приписывании себе заслуг других партий и обвинения КПрФ в умалчивании информации (даже о проведении олимпиады по бильярду, которая в итоге стала внутрипартийным соревнованием) и дальнейшем приписывании необоснованной победы исключительно партии КПрФ.

Представим результаты опроса по выявлению стратегической целевой направленности фрагмента 3 в Таблице 5 «Экспертная оценка студентами юридического факультета на потенциальный конфликтоген фрагмента 3» и Таблице 6 «Экспертная оценка студентами исторического факультета на потенциальный конфликтоген фрагмента 3».

¹¹ Стенограмма заседаний 22 декабря 2021 г. <http://transcript.duma.gov.ru/node/5765/>

Таблица 5. Экспертная оценка студентами юридического факультета на потенциальный конфликтоген фрагмента 3
 / **Table 5. Potential conflictogen expert assessment of fragment 3 by the law students**

Стратегия / Strategy	Тактика / Tactics
Обвинение 11 (34,4 %)	Уличение в несправедливости 12 (37,5 %)
Упрек 8 (25 %)	Публичное сравнение партий 8 (25 %)
Возмущение по поводу сложившейся ситуации 7 (21,8 %)	Использование эмоций 5 (15,6 %)
Призыв к изменению ситуации 4 (12,5 %)	Использование многочисленных повторов 4 (12,5 %)
Озвучивание заслуг своей партии / ЛДПР 2 (6,3 %)	Требование быть честными 3 (9,4 %)

На основании ответов студентов юридического факультета были идентифицированы следующие коммуникативные стратегии: *обвинение* 11 (34,4%), *упрек* 8 (25%), *возмущение по поводу сложившейся ситуации* 7 (21,8%), *призыв к изменению ситуации* 4 (12,5%), *озвучивание заслуг своей партии / ЛДПР* 2 (6,3%) и соответствующие тактики: *уличение в несправедливости* 12 (37,5%), *публичное сравнение партий* 8 (25%), *использование эмоций* 5 (15,6%), *использование многочисленных повторов* 4 (12,5%), *требование быть честными* 3 (9,4%). Практически все полученные в результате опроса студентов-юристов стратегии и тактики свидетельствуют о наличии конфликтогенного потенциала высказывания В. В. Жириновского.

Таблица 6. Экспертная оценка студентами исторического факультета на потенциальный конфликтоген фрагмента 3
 / **Table 6. Potential conflictogen expert assessment of fragment 3 by the history students**

Стратегия / Strategy	Тактика / Tactics
Осуждение правящей партии / Единой России / КППФ 10 (31,2 %)	Обвинение в неравном положении партий 15 (46,8 %)
Обвинение власти / правительства / верхушки 9 (28,1 %)	Противопоставление Единой России / КППФ 7 (21,9 %)
Неодобрение политической ситуации 6 (18,8 %)	Обвинение представителей КППФ / ЕР 5 (15,6 %)
Недовольство поведением политиков / партий / КППФ 4 (12,5 %)	Призыв к честному поведению 3 (9,4 %)
Возмущение доминированием одной партии / парламентского большинства 3 (9,4 %)	Сравнение заслуг партий 2 (6,3 %)

Практически все выделенные коммуникативные стратегии и тактики по ответам студентов исторического факультета связаны с обвинением. Коммуникативные стратегии: *осуждение правящей партии / Единой России / КППФ* 10 (31,2%), *обвинение власти / правительства / верхушки* 9 (28,1%), *неодобрение политической ситуации* 6 (18,8%), *недовольство поведением политиков / партий / КППФ* 4 (12,5%), *возмущение доминированием одной партии / парламентского большинства* 3 (9,4%). Коммуникативные тактики: *обвинение в неравном положении партий* 15 (46,8%), *противопоставление* 7 (21,9%), *обвинение представителей КППФ* 5 (15,6%), *призыв к честному поведению* 3 (9,4%), *сравнение заслуг партий* 2 (6,3%).

Выявленные коммуникативные стратегии и тактики тем или иным образом связаны с обвинением, актуализированным во фрагменте речи бывшего лидера ЛДПР. Будущие юристы выделяют 81,2% стратегий данной направленности (*обвинение* – 34,4%, *упрек* – 25%, *возмущение по поводу сложившейся ситуации* – 21,8%), а историки – 100% (*осуждение правящей партии / Единой России / КППФ* – 31,2%, *обвинение власти / правительства / верхушки* – 28,1%, *неодобрение политической ситуации* – 18,8%, *недовольство поведением политиков / партий / КППФ* – 12,5%, *возмущение доминированием одной партии* – 9,4%).

Заключение

Институциональный парламентский дискурс, являясь поджанром политического дискурса, реализуется в конфликтогенных коммуникативных стратегиях, лингвистический анализ которых приводит к

выводу о том, что использование стратегий оскорбления (тактики обвинения, дискредитации, навешивания ярлыков), запугивания (тактики преувеличения последствий, формирования страха, предупреждения об угрозе, отсылки к прошлому) и обвинения (тактики призыва к справедливости, уличения в нечестности, упрека в недосказанности, возмущения сложившейся ситуацией) санкционировано самим институтом в качестве эффективных коммуникативных стратегий.

На уровне стилистических регистров используются различные способы воздействия, направленные на достижение институциональных целей по восхвалению заслуг своих сторонников, критике и неприятию деяний оппонентов: лексические средства, обладающие инвективным потенциалом; инверсия; повторы; риторические вопросы; неологизм как прецедентный комплекс имен; оценочные эпитеты; ирония; инклюзивные и эксклюзивные притяжательные местоимения; противопоставления; частица «же» в значении «именно» / «ведь»; восклицательное предложение.

Проведенный социолингвистический опрос в качестве общественной экспертизы подтвердил наличие конфликтогенного потенциала текстовых фрагментов выступлений российских парламентариев, свидетельствующего о межпартийных конфронтационных отношениях. Студенты, связанные с изучением правовых и общественно-исторических процессов, корректно идентифицировали соответствующие коммуникативные стратегии и тактики в рамках своей специализации. При этом юристы делали акцент на правовой квалификации конфликтогенного потенциала представленных для опроса фрагментов, а историки выделяли признаки нарушения моральных принципов и показывали осведомленность в историко-правовом контексте.

Список литературы

1. Baigozhina DO, Zheltukhina MR, Shiryaeva TA, Talybina EV, Minakova NA, Zyubina IA. The Threat and Fear of War: The State and Politics in American Mass Media. *Media Watch*. 2020; 11(3): 439-446. ISSN 0976-0911 | e-ISSN 2249-8818. <https://doi.org/10.17613/sw9g-v963>
2. Safwat S. Speech Acts in Political Speeches. *Journal of Modern Education Review*. 2015; 5(7): 699-706. [https://doi.org/10.15341/jmer\(2155-7993\)/07.05.2015/008](https://doi.org/10.15341/jmer(2155-7993)/07.05.2015/008)
3. Зюбина И.А. Доминантные стратегии дискурса государственной власти. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2021; 1: 48-59. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-1-48-59>
4. Zheltukhina MR, Busygina MV, Merkulova MG, Zyubina IA, Buzinova LM. Linguopragmatic aspect of modern communication: main political media speech strategies and tactics in the USA and the UK. *XLinguae*. 2018; 11(2): 639-654. <https://doi.org/10.18355/XL.2018.11.02.51> ISSN 1337-8384, eISSN 2453-711X
5. Dramnescu M. *Communication. Political Speech. Populist Speech. Topical Communication Uncertainties*. 2014; 16: 15-19. https://www.researchgate.net/publication/267651944_Political_Speech_Populist_Speech
6. Tameryan TYu., Zheltukhina MR, Slyshkin GG, Shevchenko AV, Katermina VV, Sausheva YeV. New Country's Political Discourse: Formation of Speech Technologies. *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018; 8(8): 11-18. http://mjltm.org/files/site1/user_files_a9608a/admin-A-10-1-65-ffcd370.pdf
7. Зюбина И.А. Гендер и национальная принадлежность в стереотипном речевом поведении русскоговорящих и англоговорящих политиков. *Балтийский гуманитарный журнал*. Т. 10. 2021; 2(35): 275-277. ISSN print: 2311-0066; ISSN online: 2712-9780. <http://10.26140/bgз3-2021-1002-0072>
8. Bekoeva ID, Dzhoieva VP, Tameryan TY. Ethnocultural peculiarities of political communication. *Language and Culture*. 2018; 12: 4-13. <https://doi.org/10.17223/24109266/12/1>
9. Зюбина И.А. Национальная специфика доминирования в речевом поведении политиков. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2021; 4: 51-61. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-4-51-61>
10. Голев Н.Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов. *Правовая реформа в Российской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты*. Барнаул: Алт ГУ; 2002: 125-134. <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v60.html>
11. Меликян В.Ю. Методология и практика юридизации инвективной лексики. *Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия*. 2019; 9: 5-26. <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw9/melikyan-2019.html>
12. Голев Н.Д. *Юрислингвистика и лингвоконфликтология (к типологии языковых конфликтов)*. Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика. Красноярск: СтБФУ; 2007. <https://rusexpert.ru/public/guild/8.pdf>

13. Балясникова О.В. Опыт психолингвистического исследования значения одного из ключевых слов конфликтного текста. *Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2015; 13(4): 22-27. <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-psiholingvisticheskogo-issledovaniya-znacheniya-odnogo-iz-klyuchevykh-slov-konfliktogennogo-teksta>
14. Макаренко Г.С. Эксплицитные и имплицитные маркеры конфликтности публицистического текста. *Вестник Башкирского университета*. 2016; 1(21): 192-195. <http://bulletin-bsu.com/archive/2016/1/35/>
15. Махина Л.А. Высказывания с негативной оценочностью как элементы структуры и смысла конфликтных текстов. *Litera*. 2016; 4: 1-10. <https://doi.org/10.7256/2409-8698.2016.4.20464>
16. Burton J.W. *Conflict: Resolution and Prevention*. New York: St. Martin's Press; 1990. <https://doi.org/10.4236/ajc.2018.64010>
17. Баранов А.Н. Феномен угрозы в лингвистической теории и экспертной практике. *Теория и практика судебной экспертизы*. 2014; 4(36): 139-147. <https://www.tipse.ru/jour/article/view/159/159>
18. Яковлева Е.А., Аблин М.В. Принципы судебной лингвистической экспертизы в юрислингвистике. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014; 6 (36): 208-213. <https://www.gramota.net/materials/2/2014/6-1/58.html>
19. Никишин В.Д. Объекты судебной лингвистической экспертизы: новые вызовы криминогенной интернет-коммуникации. *Вестник университета им. О.Е. Кутафина*. 2020; 6(70): 79-88. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.70.6.079-088>
20. Доронина С.В. Лексикографические источники как инструмент эксперта-лингвиста. *Юрислингвистика*. 2021; 19: 28-31. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2021\)1905](https://doi.org/10.14258/leglin(2021)1905)
21. Перов Е.В., Перова М.Б. Концепция конфликтности общества. *УЭКС*. 2014; 12(72). <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-konfliktogennosti-obschestva>
22. Голев Н.Д. *Взаимодействие естественного и юридического языка как базовая проблема юрислингвистики*. *Право і лінгвістика*. Сімферополь: ДЮЛЯ; 2003: 33-41. <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z09.html>
23. Ким Г.В. Признаки отдельных видов конфликтного текста (на примере материалов региональной судебной практики). *Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе*. 2017; 27: 100-103. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28780649_67713601.pdf

References

1. Baigozhina DO, Zheltukhina MR, Shiryayeva TA, Talybina EV, Minakova NA, Zyubina IA. The Threat and Fear of War: The State and Politics in American Mass Media. *Media Watch*. 2020; 11(3): 439-446. ISSN 0976-0911 | e-ISSN 2249-8818. <https://doi.org/10.17613/sw9g-v963>
2. Safwat S. Speech Acts in Political Speeches. *Journal of Modern Education Review*. 2015; 5(7): 699-706. [https://doi.org/10.15341/jmer\(2155-7993\)/07.05.2015/008](https://doi.org/10.15341/jmer(2155-7993)/07.05.2015/008)
3. Zyubina IA. Dominant strategies of state power discourse. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2021; 1: 48-59. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-1-48-59> (In Russ.).
4. Zheltukhina MR, Busygina MV, Merkulova MG, Zyubina IA, Buzinova LM. Linguopragmatic aspect of modern communication: main political media speech strategies and tactics in the USA and the UK. *XLinguae*. 2018; 11(2): 639-654. <https://doi.org/10.18355/XL.2018.11.02.51> ISSN 1337-8384, eISSN 2453-711X
5. Dramnescu M. Communication. Political Speech. Populist Speech. Topical Communication Uncertainties. 2014; 16: 15-19. https://www.researchgate.net/publication/267651944_Political_Speech_Populist_Speech
6. Tameryan TYu, Zheltukhina MR, Slyshkin GG, Shevchenko AV, Katermina VV, Sausheva YeV. New Country's Political Discourse: Formation of Speech Technologies. *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018; 8(8): 11-18. http://mjltm.org/files/site1/user_files_a9608a/admin-A-10-1-65-ffcd370.pdf
7. Zyubina IA. Gender and nationality in the stereotypical speech behavior of Russian-speaking and English-speaking politicians. *Baltic Humanitarian Journal*. T. 10. 2021; 2(35): 275-277. ISSN print: 2311-0066; ISSN online: 2712-9780. (In Russ.). <https://doi.org/10.26140/bgz3-2021-1002-0072>
8. Bekoeva ID, Dzhioeva VP, Tameryan TYu. Ethnocultural peculiarities of political communication. *Language and Culture*. 2018; 12: 4-13. <https://doi.org/10.17223/24109266/12/1>

9. Zyubina IA. National specifics of dominance in speech behavior of politicians. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2021; 4: 51-61. DOI: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-4-51-61> (In Russ.).
10. Golev ND. Legal regulation of speech conflicts and jurislinguistic expertise of conflict texts. Legal reform in the Russian Federation: general theoretical and historical aspects. Barnaul: Alt GU; 2002: 125-134. <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v60.html> (In Russ.).
11. Melikyan VYu. Methodology and practice of legalization of invective vocabulary. *Yazyk i pravo: aktual'nyye problemy vzaimodeystviya*. 2019; 9: 5-26. <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw9/melikyan-2019.html> (In Russ.).
12. Golev ND. Jurislinguistics and linguoconflictology (to the typology of language conflicts). *Modern Philology: Actual Problems, Theory and Practice*. Krasnoyarsk: StbFU; 2007. <https://rusexpert.ru/public/guild/8.pdf> (In Russ.).
13. Balyasnikova OV. The experience of psycholinguistic research of the meaning of one of the key words of the conflict text. *Bulletin of the Novosibirsk state university. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2015; 13(4): 22-27. <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-psiholingvisticheskogo-issledovaniya-znacheniya-odnogo-iz-klyuchevykh-slov-konfliktogennogo-teksta> (In Russ.).
14. Makarenko GS. Explicit and implicit markers of the conflict potential of a journalistic text. *Bulletin of the Bashkir University*. 2016; 1(21): 192-195. <http://bulletin-bsu.com/archive/2016/1/35/> (In Russ.).
15. Makhina LA. Statements with negative appraisal as elements of the structure and meaning of conflict texts. *Litera*. 2016; 4:1-10. <https://doi.org/10.7256/2409-8698.2016.4.20464> (In Russ.).
16. Burton JW. *Conflict: Resolution and Prevention*. New York: St. Martin's Press; 1990. <https://doi.org/10.4236/ajc.2018.64010>
17. Baranov AN. The phenomenon of threat in linguistic theory and expert practice. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*. 2014; 4(36): 139-147. <https://www.tipse.ru/jour/article/view/159/159>
18. Yakovleva EA, Ablin MV. Principles of forensic linguistic expertise in jurislinguistics. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2014; 6 (36): 208-213. <https://www.gramota.net/materials/2/2014/6-1/58.html>
19. Nikishin VD. Objects of forensic linguistic expertise: new challenges of criminogenic Internet communication. *Vestnik universiteta im. O.Ye. Kutafina*. 2020; 6(70): 79-88. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.70.6.079-088>
20. Doronina SV. Lexicographic sources as a tool of an expert linguist. *Yurislingvistika*. 2021; 19: 28-31. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2021\)1905](https://doi.org/10.14258/leglin(2021)1905)
21. Perov EV, Perova MB. The concept of conflictogenic society. *UEkS*. 2014; 12(72). <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-konfliktogennosti-obschestva>
22. Golev ND. Interaction of natural and legal language as a basic problem of jurislinguistics. *Pravo i lingvistika*. Simferopol: SHARE; 2003: 33-41. <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z09.html> (In Russ.).
23. Kim GV. Signs of certain types of conflict text (on the example of materials of regional judicial practice). *Sovremennyye problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya russkogo yazyka v vuze i shkole*. 2017; 27:100-103. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28780649_67713601.pdf (In Russ.).

История статьи:

Получена: 21.04.2022

Принята: 12.05.2022

Опубликована онлайн: 25.06.2022

Article history:

Received: 21.04.2022

Accepted: 12.05.2022

Published online: 25.06.2022

Сведения об авторах:

Зюбина Ирина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации, Южный федеральный университет, кафедра лингвистики и профессиональной коммуникации, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: iazyubina@sfedu.ru.